

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Ленинградский ордена Ленина
и ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени А. А. Жданова

ГОРОД И ГОСУДАРСТВО В АНТИЧНОМ МИРЕ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Межвузовский сборник

Ленинград 1987

ском смысле, характеризуя только ошибку теоретиков, берущих в пережитых порядках образцы своих построений. Он вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам³⁸. В этом смысле определенная "реакционность" присуща подавляющему большинству утопий не только античных, не только средневековых, но и многих утопий нового времени вплоть до Сен-Симона, Фурье и Оуэна³⁹. Тем не менее, даже при характеристике утопии одного античного автора (например Платона), как справедливо отмечает В.С.Нерсесянц, "гуманистические, прозорливые и прогрессивные (в условиях античного рабовладения!) моменты" не должны заслоняться от нас моментами "реакционности"⁴⁰. Еще в большей степени, очевидно, это должно относиться ко всему комплексу утопических трактовок темы золотого века, в которых, как мы видели, находила выражение мечта человека классового общества об ином, более справедливом, идеальном общественном состоянии. При этом даже сама абсолютизируемая "обращенность в прошлое" представляется нам весьма проблематичной: "Где бы утопист ни помещал конструируемое им общество - в прошлом, настоящем или будущем, оно, - подчеркивает Э.Я.Баталов, - в любом случае представляло собой попытку заглянуть именно в будущее (сознавал это сам утопист или нет)!"⁴¹. Такие попытки заглянуть в будущее приводили, как мы видели, уже к концу I в. до н.э. к тем смелым реинтерпретациям мифа, которые позволяли беспрепятственно переносить идеализируемое состояние (золотой век) не только в прошлое, но и в настоящее, и в будущее.

Огромной, непреходящей заслугой греческой философии (можно добавить - и античной общественной мысли вообще) было, по известному замечанию Ф.Энгельса, то, что она уже содержала "в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоз-

³⁸ Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма // Полн. собр. соч. Т.2. С.211.

³⁹ Ср.: Либшиц М. Мифология древняя и современная. М., 1980. С.149 сл.; Володин А.И. Указ.соч. С.65 сл.

⁴⁰ Нерсесянц В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979. С.171 сл., 175.

⁴¹ Баталов Э.Я. Указ.соч. С.46; ср. С.230.

зрений"⁴². В определенной степени эта характеристика, очевидно, приложима и к истории утопического социализма, наследовавшего от античности богатейший (и далеко еще не в полной мере изученный) материал, целый арсенал разработанных утопических образов, многие из которых были связаны с представлениями о золотом веке⁴³. Сам этот выработанный античной утопической мыслью образ золотого века как желанного предела, идеального состояния человечества сыграл колossalную роль во всей последующей истории общественно-политической мысли; на это совершенно справедливо обращает внимание Н.И.Конрад, вспоминающий проникновенные слова Ф.М.Достоевского: "Золотой век - мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже умирать"⁴⁴. Подобная же утопическая мечта о золотом веке явилась одним из тех нетленных творений человеческого разума, которые были завещаны европейской (а в известной мере - и мировой) культуре от античного общества.

А.Б.Егоров

ФЛАВИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В 60-90-е гг. I В.

Внутреннюю периодизацию истории Римской империи довольно трудно считать чем-то окончательно определенным. Если деление на принципат и доминат, проходящее по рубежу III-IU вв., можно считать достаточно устоявшимся, то внутренняя периодизация принципата определена гораздо менее четко. Довольно частым являет-

⁴² Энгельс Ф. Старое предисловие к "Анти-Дюрингу". О диалектике // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С.369.

⁴³ См., например: Чиколини Л.С. Социальная утопия в Италии XVI - начало XVII вв. М., 1980. С. 125 сл., 249 сл., где уделяется внимание влиянию античного наследия (в частности, представлений о золотом веке) на итальянских авторов XVI-начала XVII вв.

⁴⁴ См.: Конрад Н.И. О смысле истории // Конрад Н.И. Запад и Восток. М., 1972. С. 486.

ся четкое разделение империи I в. и времени Антонинов, которое практически стало общепринятым¹. Гораздо с меньшей определенностью можно судить о периоде 68–96 гг., т.е. отрезка времени от гражданской войны 68–69 гг. до гибели Домициана и прихода к власти Нервы.

Место эпохи Флавиев определяется по-разному. Ряд исследователей, вслед за Т. Моммзеном, видят в принципате нечто достаточно однородное, претерпевшее свою основную эволюцию в период кризиса конца II–начала III вв. Другие проводят деление главным образом по формальному признаку – династиям, выделяя это время как период правления династии, пришедшей на смену Юлиям–Клавдиям и затем замененной, в свою очередь, Антонинами. В ряде случаев Флавиев связывают с предшествующей, реже – с последующими династиями.

Хотя особенность времени Флавиев отмечалась многократно, на наш взгляд, впервые проблема самостоятельной значимости времени Флавиев была поставлена в монографии и, особенно, в докторской диссертации Г. С. Кнабе². По мнению Г. С. Кнабе, перелом в социальной, политической и духовной жизни империи приходится на самый конец правления Домициана и короткое правление его преемника Нервы: во всяком случае, ко времени Траяна его можно считать совершившимся фактом³. В изображении Г. С. Кнабе переворот носил быстрый, во многом "взрывной" характер, что кажется нам некоторым преувеличением. На наш взгляд, временем перехода можно считать практически всю эпоху Флавиев и даже если некоторые новые явления обнаружились к концу их правления, они были подготовлены всем ходом развития империи в последние десятилетия I века н.э.

¹ Hammond M. The Antonine Monarchy: 1959–1971 // ANRW. Tl.II. Bd 2. 1975. P. 329.

² Кнабе Г. С. I) Корнелий Тацит и проблемы истории древнего Рима эпохи ранней Империи. Докт. дис. М., 1983. С. 97–107; 2) Корнелий Тацит. М., 1981. С. 9–16.

³ Кнабе Г. С. Корнелий Тацит и проблемы истории... С. 104–106.

Работы ряда новейших исследователей (А. фон Премерштейна, Л. Викерта, Ж. Беранже, Д. Тимпе и др.) достаточно определенно показали наличие сильного республиканского элемента в системе принципата Августа и Юлиев–Клавдииев, что позволяет считать ранний принципат своеобразной системой политического дуализма⁴.

В самом деле, при Августе и его ближайших преемниках принципат в целом решил основной вопрос, вопрос о политической власти. Кроме того, под контролем принцепса теперь находились военные силы, что стало решающим фактором его преобладания. Вместе с тем, формирование новой имперской системы только еще началось.

Основным элементом государственного аппарата продолжал оставаться сенат, а императорская бюрократия пока еще находилась в стадии возникновения. Свои основные решения император должен был проводить через сенат, имевший немалое реальное значение. В управлении продолжала доминировать старая аристократия, а сама семья принцепса в значительной степени была составной частью и элитой этого республиканскогоnobiliteta. Доля провинциалов в управлении и армии была ничтожной, не говоря уже о сенате, а государство во многом сохраняло полисные элементы. Особое положение Италии при Августе даже во многом усилилось, а ряд мероприятий (брачные законы, законы о вольноотпущенниках и т.д.) носили консервативный характер. В идеологии и духовной жизни консервативные традиции были особенно сильны и, по сути дела, существенных перемен в этом плане пока не было.

В стадии формирования находилась и провинциальная политика империи. Римские граждане составляли довольно малую часть населения Римской державы. Из примерно 5 миллионов граждан (R.G.D.A. I8; Tac. Ann., XI, 25), видимо, около 4 миллионов составляли жители Италии, а большинство граждан, проживающих в провинциях,

⁴ Premerstein A. von. Vom Werden und Wesen des Principats. Berlin, 1937; Wickert L. 1) Princeps (civitatis) // RE. 1954. Bd. XXII. Hbd. 44. Sp. 1998–2296; 2) Neue Forschungen zum Römischen Prinzipat // ANRW. Tl.II. Bd 1. 1975. S. 3–76; Berger J. 1) Recherches sur l'aspect idéologique du principat. Basel, 1953; 2) Diagnostic du principat; L'empereur romain chef de parti // REL. 1959. 37. P. 151–170; Timpe D. Untersuchungen zur Kontinuität des frühen Principats. Wiesbaden, 1962.

были итальянского происхождения. Провинциалы, получившие римское гражданство, составляли явное меньшинство. Кроме того, романизация по преимуществу затронула старые, наиболее культурные западные провинции, Нарбоннскую Галлию, Сицилию и Бетику. В восточных провинциях и Африке число римских граждан местного происхождения было совсем незначительно.

Во времена Юлиев-Клавдиев это развитие продолжалось и имперско-монархические тенденции постепенно усиливались. Тем не менее, переломный характер эти изменения приобретают несколько позже - в 60 - 90-е гг. I в.

Начальные фразы в изложении двух наших основных информаторов Тацита и Светония не оставляют никакого сомнения, что оба они рассматривали время Флавиев как период перелома. Для Тацита этот перелом носит скорее трагический характер, когда на державу обрушились тяжелые внешние и внутренние бедствия (Tac. Ann., I, 1-2), для Светония, наоборот, - это время стабилизации, когда род Флавиев принял и укрепил поколебленную внутренними смутами империи (Suet. Vesp., I-2).

Перелом происходит по ряду принципиальных обстоятельств. В 69 г. впервые после длительного промежутка произошла гражданская война, которая была первой гражданской войной в условиях Империи. Конфликт между Нероном и обществом был не только следствием личной неспособности императора, это было банкротство всей системы Юлиев-Клавдиев, во многом опиравшейся на старые полисные представления и традиции. Конфликт начался с удара принцепса по старому нобilitetu, значение которого уничтожалось именно потому, что он являлся личным соперником императора. Постепенно, в силу переплетения старого нобiliteta с новой имперской знатью, эта последняя также вовлекается в конфликт. Жертвами репрессий становятся военные командиры, преторианские офицеры, легаты провинций, всадники, представители имперского аппарата.

Наиболее активную роль в свержении Нерона сыграли старые полисно-республиканские силы (сенат, наместники из старой знати и старые романизированные провинции), однако их победа была возможна только потому, что силы новой империи (преторианская гвардия, новая знать, имперская бюрократия, провинции и армия) не поддержали Нерона или выступили против него. Без труда разгромив

восстание Виндекса, германские легионы Вергиния Руфа устранились от борьбы. Выжидательную позицию заняли и другие провинции и армии, а преторианское восстание окончательно изменило соотношение сил в пользу повстанцев.

С Гальбой к власти пришли старые полисные силы, но переворот Отона и восстание Вителлия знаменовали выход на арену новых сил, и в дальнейшем борьба идет между ними, пока, наконец, к власти не пришел Веспасиан, бывший ставленником восточных и паннонских легионов.

Гражданская война ускорила развитие тех тенденций, которые уже давно нарастали в империи, выдвинув на передний план новые силы и показав определяющее значение армий и провинций, более непосредственно втянув их в реальное управление империи.

Конец 60-х гг. был отмечен и сильнейшим за всю историю I в. кризисом в провинциальной политике империи. В 61 г. произошло крупнейшее за весь предшествующий период восстание в Британии (восстание Боудикки); римско-парфянская война, несмотря на престижную для империи форму мирного соглашения, реально была проиграна, и в Армении установилось доминирование Парфии. Страшный пожар Рима в 64 г. лег тяжелым бременем на провинции, что, бесспорно, вызвало недовольство местного населения. В 66 г. началось грандиозное восстание в Иудее, зревшее на протяжении всего времени правления Юлиев-Клавдиев. Восстание против Нерона началось с восстания в Лугдунской Галлии во главе с Юлием Виндексом, которое во многом имело черты провинциального восстания⁵. Наконец, итогом гражданской войны было большое восстание Юлия Цивилиса, в которое были втянуты многие германские и галльские племена, и которое привело к временной дестабилизации рейнской границы. Эти события отчетливо показали банкротство провинциальной политики Юлиев-Клавдиев, продолжавших в значительной мере полисную политику игнорирования провинций и непривлечения их к реальному управлению. Такая волна событий должна была иметь особые последствия.

⁵ Brunt P. The revolt of Vindex and Fall of Nero // Latomus. 1959. 18. P.531-539; Hainsworth R. Verginius and Vindex // Historia. 1962. 11. N.1, P.93-94.

События 68–69 гг. были важным эпизодом в трансформации самой императорской власти. Приход к власти Флавиев был не только сменой династии. Юлии–Клавдии были семьей римской республиканской знати, и в этом плане власть имела еще некоторые традиционные качества, будучи связана с той группой, которая имела ее до установления принципата. Последним представителем этой группы был Нерон, и с его смертью прекратилась власть дома Юлиев–Клавдиев. Дальнейший разрыв был хотя и быстрым, но постепенным. Гальба еще принадлежал к старому аристократическому роду, появившемуся в консульских фактах в конце I в. до н.э., а кроме того, новый император был дальним родственником жены Августа – Ливии (Suet. Galba, 3–4). Отон и Вителлий принадлежали уже к новой имперской знати и были нобилиями, хотя и во втором поколении. Основатель династии Флавиев, Тит Флавий Веспасиан, был выходцем из простой итальянской семьи, внуком центуриона, служившего в армии Помпея, и сыном сборщика налогов, а дядя Веспасиана по матери был первым сенатором в своей семье (Suet. Vesp., I–2). Власть, таким образом, вышла из под монополии аристократии, и характерным симптомом времени было то, что потомственный аристократ Лициний Красс Муциан уступил первое место своему незнатному коллеге, даже несмотря на то, что первый и был реальным организатором восстания.

Приход к власти "выскочки" Веспасиана был, вероятно, более значительным событием, чем последовавший спустя 30 лет приход к власти первого императора-провинциала М.Ульпия Траяна. Это уже не было воспринято обществом как какая-либо ломка традиций. Во многом это было следствием того, что традиции уже были сломаны сменой династий в ходе гражданской войны.

Переход власти от Юлиев–Клавдиев к Флавиам был не только персональной переменой. Власть Юлиев–Клавдиев во многом была продолжением традиционной власти аристократического рода времени республики, основанной, в конечном счете, на системе клиентелы⁶. С установлением принципата эта система клиентелы превращалась в общегосударственную и, в известной степени, все общество превращалось в клиентов правящей семьи⁷. При такой системе

⁶ Timpe D. Op.cit. S. 13, 15, 122.

⁷ Premerstein A. Op.cit. S. 267.

особое значение приобретала неправовая сторона власти принципса, его личный авторитет, тот сложный комплекс, который выражался понятием *auctoritas*⁸.

Флавии не имели такого личного авторитета, богатства и значимости и поэтому их *auctoritas* не была столь существенным элементом власти. Вместо персональных факторов власти, что было характерно для предшествующей династии, являются теперь институционные элементы, появляется тенденция явной формализации власти, а на место *auctoritas* становится *potestas*, выражавшая более официальный и формальный характер управления.

Институционализацию власти хорошо показывает текст надписи, содержащей сенатусконсульт о власти Веспасиана. Вокруг этой надписи существует немало споров, но некоторые моменты можно считать достаточно определенными⁹. Сам закон не был новшеством Веспасиана. В нем постоянно содержатся ссылки на предшественников – Августа, Тиберия и Клавдия (Dess., 244, I–33), Тасит упоминает об аналогичных законах Оттона и Вителлия (Tac. Hist., I, 47, II, 5), и можно считать наиболее вероятным мнение Л.Омо, что такой *lex de imperio* в достаточно оформленном виде появился уже в 37 г. с приходом к власти Гая Калигулы¹⁰.

Тем не менее, известное новшество в законе также нельзя отрицать. Закон поражает детализацией правовой разработки, а постоянные ссылки на предшественников должны были связать новую династию с предыдущей; показательно стремление компенсировать недостаток *auctoritas* за счет правовой регламентации и формализации. Новым в законе является *sanctio*, содержащаяся в конце надписи. В этой части закона ссылок на других императоров нет, а сама клаузула указывает, что нарушение любого другого закона, сенатусконсulta и другого правового регулирования, совершенное "в силу этого закона", не является подсудным и подлежащим судебному разбирательству (Dess., 244, 34–40). *Sanctio* ставит

⁸ Об *auctoritas* см.: Magdelain A. *Auctoritas principis*. Paris, 1946; Wickert L. *Princeps (civitatis)*. Sp. 2289–2290; Beaganger J. *Recherches...* P. 127.

⁹ Подробнее см.: Егоров А.Б. Закон о власти Веспасиана и полномочия принципса // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 150–158.

¹⁰ Homo L. *Les institutions politiques romaines*. Paris, 1927,

закон выше других и развивает принцип свободы принцепса и лиц, выполняющих его поручения, от юридической ответственности, который в полной мере развивается в Шв. и становится правовой основой римского абсолютизма.

Происходит и перемена в правящей элите империи. Сходит со сцены старая республиканская аристократия, причем именно время Флавиев становится здесь известным рубежом. Если при Юлиях-Клавдиях многие ведущие политические деятели были нобилями из древних семей, то среди ведущих лидеров времени Флавиев практически все они происходят из итальянских и провинциальных муниципиев. Пожалуй, кроме Муциона мы не находим представителей старой аристократии на первых ролях.

Показателем изменения в элите римского общества являются списки ординарных консулов¹¹. Из 86 консульств при Августе (считая с 27 г. н.э.) 58 были заняты потомками республиканских нобилей, 12 занимали император и его семья, т.е. тоже, в конечном счете, выходцы из республиканской аристократии, и только 16 - новая знать, многие представители которой были потомками видных сенаторских семей республики¹².

Некоторые изменения заметны и при Юлиях-Клавдиях, хотя основные тенденции в целом сохраняются. Из 110 консульств республиканский нобилитет занимает 44, 24 консульства приходятся на императорскую семью, а остальные 42 занимаются новой имперской знатью, которая, правда, сбликается со старым нобилитетом. Резким диссонансом оказывается список консулов при Флавиях. Из 54 консульств половина приходится на представителей правящей династии, которая таким образом стремилась к монополизации власти. Из оставшихся консульств только 6 заняты представителями республиканского нобилитета, и еще 4 - представителями августовской и

Р. 278.

¹¹ Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1976. С. 223-228.

¹² По достаточно широко установленной дефиниции нобилитетом принято считать потомков тех семей, представители которых занимали консульские должности, поэтому, говоря о республиканском нобилитете, мы имеем в виду потомков республиканских консулов.

юлио-claveianской знати. Остальные занимались новыми людьми, в том числе и выходцами из провинций. окончательное исчезновение республиканской знати относится именно ко времени Флавиев.

Аналогичные процессы происходят и в сенате. В сенате Юлиев-Клавдииев провинциалы составляли менее 15-16%, к концу Флавиев из сенаторов, чье происхождение нам известно, провинциалы составляли 23,4%, а уже при Траяне и Адриане их число составило почти половину - 43,6%¹³. Большинство сенаторов-непровинциалов представляли выходцы из итальянских муниципиев.

Изменение состава аристократии отмечают и наши источники. Тацит, осуждая демонстративную роскошь римского нобилитета и знати, выдвинувшейся при Юлиях-Клавдиях, пишет, что новые люди из колоний, муниципиев и провинций приносили в сенат более умеренный стиль жизни и бережливость, причем особую роль в этом изменении сыграл Веспасиан. Время начала гражданской войны Тацит считает концом периода роскоши, начавшегося после битвы при Акциуме (Tac. Ann., III, 55). Замеченная Тацитом бытовая перемена была отражением важных социальных изменений, произошедших на грани династий. Светоний сообщает, что Веспасиан внес в списки сенаторов "самых достойных из италиков и провинциалов" (Suet. Vesp., 9).

Изменение состава сената постепенно приводило и к смене отношений между сенатом и императором. Из преемников Августа только Клавдий был обожествлен, да и то его образ в сенатской историографии остался карикатурным, а у современников не создалось впечатления о положительных переменах, хотя они реально имели место. Кроме того, в конце правления Нерон отменил обожествление Клавдия, что не вызвало протестов сенаторов. Следующими обожествленными императорами были Веспасиан и Тит.

Но, пожалуй, более важным было другое. Именно с Флавиев начинает вырабатываться тот баланс отношений императора и сената, который характерен для антониновской эпохи. Тит был первым, кто дал клятву не казнить сенаторов¹⁴. Веспасиан и Тит были

¹³ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. С. 14-15.

¹⁴ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит и проблемы истории ... С. 95-96.

первыми после Августа, кто удостоился положительной оценки в сенатской традиции. Они были первыми, кто не проводил систематической политики террора, практически отменили процессы об оскорблении величия и даже наказывали деляторов (Tac. Hist., IV, 41-45; Suet. Vesp., 15; Tit., 8, 5).

Даже домициановский террор не создает существенного изменения в этой картине. В эпоху Юлиев-Клавдия террор был в значительной степени нормой существования общества. Почти все императоры старались его избежать, но практически все приходили к нему в конце концов. В данном случае, мы не можем подробно анализировать его причины, но одной из главных была неустойчивость отношений, неуверенность принципов в стабильности своего положения, с одной стороны, и амбиций сената и отдельных сенаторов - с другой. Наконец, во времена Юлиев-Клавдия династическая борьба гораздо теснее переплеталась с борьбой в сенате, чем в эпоху Флавиев.

Террор Домициана во многом воспринимался как рецидив старой политики. Изображение террора Тиберия у Тацита, по мнению многих исследователей¹⁵, есть рассказ, построенный на явной ассоциации с Домицианом¹⁵. В этой точке зрения есть немалая доля резона. Вместе с тем, домициановский террор отличался меньшей истеричностью и большей целенаправленностью, выражавшейся в том, что император подавлял, по сути дела, все проявления традиционной сенаторской независимости, реально-политической и духовной, расчищая путь новым отношениям сената и императора. С другой стороны, особенно трагическое восприятие террора Домициана его современниками было вызвано тем, что он проявлялся на фоне общей стабилизации, репрессий не было ни при его преемниках, ни при его ближайших предшественниках. Общество не видело никаких реальных оснований для репрессий, а это придавало жестокости Домициана особенно произвольный характер.

Именно при Флавиях намечается тот компромисс в отношениях императора и сената, который станет характерным для Антонинов-

¹⁵ Pippidi D. Autour de Tibere. Bucuresti, 1944. P.69;
Marsh F.B. The reign of Tiberius. Oxford, 1931. P. 1-15, 219.

ской эпохи. Император приучил сенат к мысли, что он является полным хозяином положения, а сенаторы, по сути дела, превратились в его служащих. Не менее важным было полное признание этого положения сенатом, причем не признание под давлением силы, как это было при Юлиях-Клавдиях, а сознание того, что это положение является естественной нормой жизни. Обе стороны идут на встречу друг другу: сенат становится до конца послушен, а принципат отвечает на это общей либерализацией. Империя могла не бояться делать реальные уступки, поскольку они не были опасны. Возникает новая стадия дуализма, при которой этот последний становится более формальным и целиком контролируется более сильной стороной. В полной мере эта система проявилась при Антонинах¹⁶, но основные ее черты начинают формироваться при Флавиях. Это во многом стало результатом обстоятельства, которое было отмечено С.И. Ковалевым, - превращения императорской власти в "орган классового господства всех рабовладельцев Средиземноморья"¹⁷. Следующей стадией становилась происшедшая в Шв. ликвидация системы политического дуализма.

Характерными были и перемены в общественной идеологии. Стоицизм, бывший идейным знаменем поздней республиканской оппозиции и призывающий в то время к активной борьбе против надвигавшейся угрозы диктатуры, претерпел значительные изменения в эпоху империи. В период террора Юлиев-Клавдия он превратился в трагически окрашенную, по сути дела, пассивную оппозицию, проявлявшуюся, главным образом, в бойкоте режима. Трагическое мифовосприятие римского стоицизма отчетливо видно из произведений Сенеки, который советовал отказаться от активной общественной деятельности и уйти в свой внутренний мир. Пожалуй, наиболее ярким показателем трагизма и безысходности положения является навязчивая идея преодоления страха смерти. Ведущие представители стоицизма стали жертвой террора; в их числе были Тразея Пет, Варен Соран и даже сам Сенека, который в реальной политической

¹⁶ Hammond M. Op.cit. P.337-342; Petit P. Le II-me siècle après J.-C.: Etat des questions et problèmes // ANRW. Tl.2. Bd.2. 1975. P. 354-357.

¹⁷ Ковалев С.И. История Рима. Л., 1943. С.559-560.

жизни сотрудничал с императорской властью.

Флавии во многом продолжали старую политику, а стоицизм еще оставался в оппозиции. Веспасиан и Домициан расправились с группой Гельвидия Приска, который решительно и демонстративно отказывался от сотрудничества с новой властью. В 72 г. Веспасиан распорядился изгнать стоиков и киников из Рима, в 95 г. Домициан изгнал их из Италии. Тем не менее, новое поколение стоиков, которое спустя немного времени пошло на компромисс с императорской властью и новой системой, появилось уже при Флавиях. Изгнанный из Италии Домицианом Эпиктет в начале I в. стал одним из самых популярных преподавателей философии, а его лекции слушал сам император Траян.

Сходные явления происходят и с представителями других направлений общественной мысли. При Флавиях сформировалось мировоззрение Плиния и Тацита. Конец террора Домициана стал для Плиния началом активного сотрудничества с императором, а "Диалог об ораторах" Тацита, который в основном отражал его мировоззренческую основу, был написан в эпоху Флавиев.

Период 69–96 гг. был временем качественной эволюции внесенатского аппарата, который начал вытеснять старый управленческий аппарат сенаторства. Ряд изменений в этом плане происходит еще при Юлиях-Клавдиях. Начиная с Тиберия, префект претория превращается в одного из главных помощников императора. При Клавдии выросло число префектов и их роль в управлении (Tac. Ann., XIII, 29; Suet. Claud., 24; Dio Cass., 60, 24). Этот же император окончательно легализовал положение прокураторов, окончательно превратив их в государственных чиновников.

При Флавиях императорский аппарат начал приобретать новое качество. Значение префектуры претория было подчеркнуто тем, что на этот пост Веспасиан назначил своего сына и младшего соправителя Тита. Выросло число и статус прокураторов. По данным Г. С. Кнабе при Августе их было 25, при Нероне – 45, а при Домициане уже 62. Если при Юлиях-Клавдиях среди прокураторов было много либертов, то при Флавиях основной фигурой на этом посту становится всадник.¹⁸

¹⁸ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит и проблемы истории ... С. 103.

Кончается и возмущавшее общественное мнение засилье вольноотпущенников в императорских канцеляриях. Вителлий стал назначать всадников на должности руководителей канцелярий (Tac. Hist., I, 58), уже при Домициане это стало довольно распространенной практикой, что подготовило полную замену всадниками либертов при Адриане. Преобразования, начатые императорами в конце I в. и законченные Антонинами, превращали канцелярии из личных департаментов принцепса в государственные учреждения, имеющие официальный характер.

Время Флавиев было трансформацией ряда наиболее значительных областей жизни империи и общества. Веспасиан проводит новую дислокацию войск. Прекращаются солдатские мятежи и, кроме восстания Апония Сатурнина, без труда подавленного правительством, мы не видим ни одного военного мятежа вплоть до времени Марка Аврелия. Веспасиан начинает процесс установления надежного контроля над преторианцами. За исключением событий, последовавших за гибелью Домициана, преторианские мятежи прекратились до времени Коммода.

После подавления восстания Цивилиса, рейнская граница была восстановлена, а Рейн перестает быть центром тяжести внешней политики империи, которая перемещается на дунайскую и восточную границу. Известным симптомом этого стала победа дунайской и восточной армий над рейнскими легионами Вителлия. С Флавиев начинается новое наступление империи. В 83 г. Домициан ведет наступление против Хаттов, Гней Юлий Агрикола проводит активное наступление в Британии, подробно описанное его зятем Тацитом и даже выдвигает проект полного завоевания острова (Tac. Agr., 27). Наконец, начинаются знаменитые дакийские войны, которые уже при Домициане носили не только оборонительный, но и наступательный характер. Войны 80–90-х гг. стали прелюдией к грандиозному наступлению, которое началось при Траяне.

Важные сдвиги происходят в провинциальной и финансовой политике. Просопографический анализ показывает важные изменения, произошедшие как раз во 2-й половине I в. Из 333 известных нам по происхождению солдат в эпоху Юлиев-Клавдииев провинциалы со-

ставляют I56, а италики - I77¹⁹. Эта пропорция установилась к 60-м гг., а во времена Августа италики явно доминировали. Если признать выборку случайной, а у нас есть все основания это сделать, то окажется, что количество провинциалов превысило половину во времена Флавиев и продолжало расти далее. Выросло и значение вспомогательных войск, которые играли теперь все большую роль в военных действиях. В качестве примера можно отметить роль батавских когорт в сражении при Бедриаке и значение auxilia в войнах Агриколы. Начинается постепенный процесс сближения этих видов войск империи. Все большую роль стали играть не легионы, а выделенные из их состава вексилляции.

Начинается новый синтез провинций и Италии. 70-90-е гг. были временем резкого роста вывода колоний, строительства городов и дарования гражданства. Объектами колонизации становятся Паннония, Галлия, Испания и Африка, т.е. практически все основные западные провинции. Процесс этот был продолжением всей политики империи, но после долгого застоя при Юлиях-Клавдиях флавианская политика была явным переходом к более интенсивной романизации провинций.

Наиболее активно романизация происходила в Испании. От времени Флавиев дошел ряд тщательно разработанных муниципальных законов испанских городов. В 74 г. Веспасиан предоставил всей Испании латинское право, что увеличило число граждан с ius Latii на несколько миллионов человек. Приток испанской знати в римскую правящую элиту достиг такого уровня, что вскоре императором стал Траян - выходец из старой римской колонии в Испании. Примечательно, что если проект Клавдия о предоставлении ius honorum галлам встретил сильное сопротивление сенаторов, и императору удалось добиться лишь компромиссного решения о предоставлении этого права эдукам (Tac. Ann., XI, 24), то новшество Веспасиана уже не вызвало серьезной оппозиции. Римское гражданство получила Сардиния. Флавии сделали первый важный шаг к освоению Римом дунайских провинций, основав колонии в Сисции

¹⁹ Ritterling. Legio // RE. Bd XII. Nbb. 24. 1925. Sp. 1379.

и Сирмии, которые стали римскими центрами в Паннонии. Начались первые, пока еще незначительные, попытки романизации восточных провинций. Западные провинции в полной мере становились партнерами Рима и Италии по управлению.

Со временем Веспасиане начинается усиление мелочного контроля в финансовой политике. В это время фиск начинает становиться крупнее эзария. Усиливается финансовый аппарат в провинциях, и если Юлии-Клавдии практически не трогали "свободные города", то Флавии начали их последовательную ликвидацию. Веспасиан ликвидировал данную Нероном "свободу Греции", потеряли иммунитет и некоторые другие civitates liberae, например, Родос и Самос. Это означало финансовую унификацию положения империи и переход управления под более прямой контроль центральной власти.

Время Флавиев по ряду признаков было периодом трансформации Римской империи. Эта трансформация не была чем-то новым и органично вытекала из эволюции империи в первой половине I в., но к этому моменту она приобрела качественный характер, заложив основу для нового расцвета во II в. Далеко не все преобразования, начатые при Флавиях, были завершены, многое пришлось уже на долю Траяна и Адриана. По ряду признаков империя Флавиев была еще связана со старым, но элементы нового оказались достаточно сильны, чтобы перейти в новую стадию развития, в ту стадию дуализма полиса и империи, который был основан на полном подчинении первого последней. Примечательно, что именно сумев совместить и направить в одну сторону обе тенденции, империя добилась расцвета, а упадок ее в III в. во многом был вызван тем, что универсальное государство начало давить эти элементы полисной системы.

И.С.Свенцицкая, Д.Г.Годер

СЕМЬЯ В ГОРОДАХ ПРОВИНЦИИ АЗИЯ П-Ш ВВ. (ПО ДАННЫМ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ НЕКРОПОЛЕЙ)

Проблемы повседневной жизни, быта, межличностных отношений различных эпох привлекают сейчас все больше и больше внимания